

**«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ЗА ПУБЛИЧНУЮ МОРАЛЬ В ВИКТОРИАНСКОЙ КАНАДЕ
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАНАДСКОГО ПРАВА**

С.А. Кокотов

В статье рассматриваются правовые аспекты «моральной революции», имевшей место в викторианской Канаде в контексте борьбы колониальных сообществ Британской Северной Америки за сохранение и укрепление публичной морали, общественного порядка и ее воздействие на процесс становления канадского права.

Ключевые слова: канадское право, викторианская эпоха, либеральная демократия, публичная мораль, общественный порядок.

Процесс формирования системы канадского права в целом и его источников в частности в исторической ретроспективе осуществлялся под воздействием сложного комплекса социально-экономических, природно-географических и этно-конфессиональных факторов. Вторая половина XIX века, характеризовавшаяся либерализацией общественно-политической жизни в Великобритании и ее самоуправляемых колониях была отмечена появлением такого своеобразного фактора, как активная и постоянная борьба за укрепление публичной морали, что стало одним из символов эпохи, известной ныне как «викторианская эпоха».

Обращает на себя внимание, что распространенный среди западных обществоведов, философов и политологов тезис о «моральном» характере либеральной демократии как таковой [1] резко контрастирует с тем фактом, что либерально-демократические реформы в России конца XX века привели к диаметрально противоположным результатам. По мнению некоторых представителей отечественной науки, наша страна по шкале морального прогресса оказалась отброшена в глубокое средневековье.[2, с.4] В этой связи представляется актуальным обратиться не только к критическому анализу теоретических аспектов концепции либеральной демократии, но и к конкретно-историческому опыту тех стран, которые реализовали ее на деле. Одной из таких стран является Канада.

Жители Британской Северной Америки (ныне – Канады) изначально не отличались массовыми примерами общественной добродетели. В XVII-XVIII веках выходцы с британских островов прослыли одной из «наиболее агрессивных, жестоких, буйных и кровожадных наций».[3] Повсеместное пьянство сопровождалось бродяжничеством (vagrancy), непристойным поведением (disorderly conduct), проституцией (streetwalking), азартными играми (gambling). [4, P.87] Относясь по общему праву к мисдиминарам, все эти правонарушения составляли категорию «преступлений против публичной морали» (public/moral order offences). В начале XIX века на фоне массового притока лиц, не умевших и не желавших вписываться в складывавшиеся в колониях стандарты социального поведения ситуация еще более ухудшилась. Канадские города и тауншипы оказались перед угрозой дестабилизации общественной жизни, дальнейшего упадка публичной морали. В этот период для многих представителей локальных сообществ понятие «социальная анархия» стало прочно ассоциироваться с понятиями «грех» и «иммигранты». Согласно статистике первых десятилетий XIX века именно иммигранты (в основном, ирландцы) преобладали среди лиц, привлекавшихся к суду по обвинениям в совершении указанных выше преступлений. Росло и общее их число - если в начале XIX века они составляли 12% от общего числа регистрировавшихся правонарушений, то к середине века их количество достигло уже 35%.[5, P.43] Однако уже к концу XIX века канадское общество вполне можно было отнести к числу наиболее «сдержанных, щепетильных и ханжеских наций в мире».[3, P.123] Изменения в сфере публичной морали и общественного порядка оказались столь глубоки и разительны, что к ним вполне подходит определение «моральная революция». Современники же назвали начавшийся в Британской Северной Америке процесс «крестовым походом за публичную мораль и порядок» (a moral order crusade). [6]

Очевидно, что столь глубокие изменения не были спонтанными. Возрождение высоких стандартов публичной морали во второй половине XIX – начале XX века стало возможным благодаря многим факторам, два из которых следует выделить особо. Прежде всего, это наличие в колониальных сообществах определенного морально-нравственного потенциала. На практике это

выразилось в том, что в викторианской Канаде, вслед за Англией, постепенно сложилось «консенсусное» сознание, предполагавшее готовность локальных сообществ принять морально-этические стандарты жизни и поведения своих элит в качестве образца с одной стороны, и готовность тех же элит принять на себя ответственность за поддержание публичной морали – с другой. Его основу составила так называемая «викторианская система ценностей», вобравшая в себя религиозность и строгие моральные принципы, патриотизм и социальную дисциплинированность, веру в справедливость иерархической структуры общества, конформизм и готовность подчиняться установленным правилам.[7, С. 55-56]

В формально-юридическом плане указанный потенциал был реализован через создание многочисленных общественных объединений, среди которых можно выделить Лигу умеренности (The Temperance League), Союз женщин за христианскую умеренность (The Women's Christian Temperance Union), Общество христианского старания (Christian's Endeavor Society), Лигу граждан (The Citizens League), Ассоциацию католической молодежи (YMCA), Армию спасения (Salvation Army), Ассоциацию граждан по поддержанию порядка (The Civic Improvement Association). Выступая против «культы самотерпимости и его бога – удовольствия», эти и другие организации не только консолидировали общество, но и формировали атмосферу нетерпимости к нарушениям публичной морали, проявлениям гражданской безответственности. К примеру, многие жители канадских городов в конце XIX века оказывались в полицейских участках лишь в результате жалоб соседей на то, что они не убирали снег перед своими домами.

Вторым фактором, обеспечившим успех «моральной революции» стало обращению общества к такому инструменту, как право. Последовательное давление на власть с целью правового закрепления строгих норм публичной морали и выработки действенных мер по их защите рассматривалось указанными объединениями как одна из важнейших задач. Это выразилось в неуклонном росте петиций и обращений к властям с требованием всемерного ужесточения отношения к лицам, не желавшим принимать новые стандарты социальной ответственности. Как следствие, уже в 1824 году законодательными ассамблеями колоний был повсеместно введен в силу английский акт о бродяжничестве (Vagrancy Act), давший канадским констеблям неограниченные властные полномочия по наведению общественного порядка. Затем последовала серия актов, поставивших под контроль государства производство и оборот алкогольной продукции.[8] Включились в этот процесс и муниципальные власти. Хартии об инкорпорировании канадских городов дали им право подзаконными актами (by-laws) вводить запреты на азартные игры, ужесточать наказания за проституцию и сводничество. По настоянию горожан повсеместно были расширены санкции за нарушение «Божьего Дня» (т.е. воскресенья). Все бродяги, бездельники (vagabonds) и прочие лица, пользовавшиеся дурной славой, а также лица в состоянии опьянения, или вызывавшие неудовольствие граждан, или блуждавшие ночью по городу подлежали аресту и последующему штрафу за каждое совершенное правонарушение. В случае же отсутствия средств полагалось 30-дневное тюремное заключение.[5, Р. 49]

Общественные объединения оказывали давление не только на законодателей, но также на полицию и судей. Эффективность работы канадской муниципальной полиции, к концу XIX более чем на 80% укомплектованной представителями белого протестантского большинства, резко повысилась. Об этом косвенно говорит тот факт, что к концу XIX века мировые суды канадских городов рассматривали до 3 тысяч дел в год (по 5-10 дел за день), причем значительная их часть, связанная с нарушениями общественного порядка, возбуждалась именно полицией. Свою лепту в дело укрепления публичной морали и общественного порядка вносили и судьи. Будучи представителями среднего класса, они являлись носителями не только системы викторианских ценностей, но и интересов локальных сообществ. Не случайно за одни и те же правонарушения они повсеместно смягчали наказания для членов местных сообществ, и ужесточали их для приезжих. По этой же причине они последовательно применяли более жесткие санкции за посягательства на собственность и публичную мораль, нежели за преступления против личности.[9, Р. 228] Как результат совместных усилий общества и государства, к концу XIX века в Канаде сформировалась устойчивая тенденция к снижению числа арестов за нарушение публичной морали и общественного порядка. Отныне добровольное следование общепринятому коду этического поведения, чувство гражданского долга и ответственности, законопослушание не только стали неотъемлемыми чертами жизни канадцев, но и получили свое юридическое закрепление в нормах канадского права.

Подводя итог, следует признать, что опыт Канады по построению либерально-демократического общества показывает, что публичная мораль не возникает спонтанно. В значительной мере она вырабатывается и поддерживается правом и этот вывод представляется важным в контексте проблем,

стоящих перед российским обществом. Право, закон - как властный голос политического сообщества – способен играть роль мощного обучающего инструмента. И хотя он не может быть применен для построения «добродетельного» режима, но с его помощью можно и должно ограничивать распространение пороков, угрожающих обществу.

The article reveals law aspects of “moral revolution” in Victorian Canada in the context of struggle for public moral and social order in colonial communities of British North America and its impact on the process of formation of Canadian law.

The key words: *Canadian law, Victorian epoch, liberal democracy, public moral, social order.*

Список литературы

1. *Clor H.M.* Public Morality and Liberal Society. University of Notre Dame Press. 1996.
2. *Пастухов В.* Законность как «condicio sine qua non» российской демократии. // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №2.
3. *Perkin H.* The Origins of Modern British Society. London. 1969.
4. *Canada and Its Provinces.* In 22 vols. Vol. XIII. The Atlantic Provinces. Toronto. 1913-1914.
5. *Weaver J.* Crimes, Constables, and Courts. Order and Transgression in Canadian City. 1816-1970. Montreal. 1995.
6. *National Archives of Canada.* RG-5. A-1. 2178-88. Petition on May 9, 1839.
7. *Фадеева Л.А.* «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX века. // Новая и новейшая история, 1998. №4.
8. *The Liquor License Act. 1877; Canada Temperance Act, 1878; Canada Temperance Act, 1886,* etc.
9. *Katz M., Doucet M., Stern M.* The Social Organization of Early Industrial Capitalism. Harvard University Press. 1982.

Об авторе

Кокотов С.А. – кандидат исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sakokotov@mail.ru